

Текст · 27 февраля 2019, 08:08

Максим Литаврин,

## «У нас за много лет не было такого». Как в Пскове объясняют рекордную активность местных силовиков

Человек холодной войны

В середине июня прошлого года будущий и.о. губернатора Петербурга, а тогда — полномочный представитель президента в Северо-Западном федеральном округе Александр Беглов приехал с рабочим визитом в Псковскую область. Проведя несколько встреч в столице региона, истово верующий чиновник направился в Печоры — приграничный райцентр, куда после назначения митрополитом Псковским и Порховским перебрался Тихон Шевкунов, известный как предполагаемый «духовник Путина».

Очевидец визита Беглова рассказывает, что на выезде из Пскова на Рижском проспекте чиновник обратил внимание на рекламный щит с агитацией партии «Яблоко» — это был один из баннеров городской кампании 2017 года, который не сняли, вероятно, потому, что на это место так и не нашлось нового арендатора. «[Беглов] указал пальцем на баннер и сказал — вот этого здесь быть не должно. Когда он ехал обратно [в Псков], сравнивали с землей сам щит», — говорит собеседник «Медиазоны».

Именно Беглова — «человека холодной войны» — депутат областного собрания и председатель псковского «Яблока» Лев Шлосберг называет одним

из главных инициаторов уголовного дела о листовках оппозиционной партии. Политик рассказывает, что указание «уничтожить» «Яблоко» в регионе было дано бывшим полпредом на закрытом совещании с врио губернатора Михаилом Ведерниковым, чиновниками и местными силовиками 20 июня прошлого года: «Задача была поставлена напрямую: "Два главы района от "Яблока" — это слишком много. Это партия врагов России. Чтобы не было никаких депутатов, никаких глав районов, никого"».

Дело по части 1 статьи 141

УК (воспрепятствование осуществлению избирательных прав) было возбуждено из-за листовок «Яблока» «Недействительным выборам — недействительный бюллетень», напечатанных в начале сентября. Кандидат от партии не смог пройти муниципальный фильтр, и «Яблоко» призывало своих сторонников прийти на выборы и поставить крестики напротив фамилий каждого из кандидатов.

Как подчеркивает Шлосберг, преследование было незаконным даже с формальной точки зрения — статья 141 относится к компетенции Следственного комитета, а дело было возбуждено полицией.

5 сентября 2018 года двое кандидатов в губернаторы Псковской области, Игорь Романов от «Партии Роста» и Сергей Кулаков из «Партии пенсионеров России», написали заявления — по выражению Шлосберга, «идентичные, вплоть до знаков препинания» — о том, что листовки

«Яблока» с призывом сделать избирательные бюллетени недействительными ущемляют их права. Не приглашая представителя «Яблока», избирком в тот же день признал листовки незаконной агитацией и передал материалы в региональное управление МВД. В офис партии на улице Некрасова пришли полицейские — как вспоминает политик, уже тогда в разговорах между собой они неоднократно упоминали статью 141 (воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий), хотя дело возбуждено еще не было.

«В те дни они поставили всю полицию Псковской области на уши. К нашим людям — депутатам и их помощникам, партийному активу, всего около ста человек — приходили буквально ночью, искали эти листовки. Мне даже звонили сочувствующие сотрудники полиции и спрашивали, что происходит. Прослушивали телефоны, была слежка за нашими местными лидерами, за ними ездили машины сопровождения. Даже участковым, которые и так дико перегружены, была дана установка ходить по подъездам, искать эти листовки в почтовых ящиках», — вспоминает Шлосберг.

На следующий день начальник отдела дознания УМВД по Псковской области Александр Смирнов подписал постановление о возбуждении дела, а 7 сентября о нем публично объявила региональная прокуратура. По версии источника, близкого к силовым структурам региона, именно через надзорное ведомство расследование дела координировал его второй политический заказчик —

нынешний губернатор Псковской области Михаил Ведерников, «выполняющий волю Беглова».

Псковский десантник

«В первые же дни работы Михаила Ведерникова в Пскове у представителей местной политтусовки стал популярным следующий образ: врио губернатора — как тот десантник, который выброшен на незнакомую территорию и должен освоиться на местности», — [писала](#) в ноябре 2017 года «Псковская лента новостей». Издание отмечало, что Ведерников — первый губернатор, до своего назначения не имевший вообще никакого отношения к региону. Он родился в Выборге, построил карьеру в администрации и управделами президента, в 2012 году стал заместителем полпреда на Северном Кавказе и проработал в этой должности пять лет. Через год после назначения и.о. губернатора выиграл выборы, набрав около 70% голосов.

Александр Беглов и Михаил Ведерников. Фото: Антон Ваганов / ТАСС

Вскоре в области началась череда уголовных дел против местных чиновников, отмечает главный редактор «Псковской губернии» Денис Камалягин. В декабре 2018 года оперативники ФСБ по подозрению в получении взятки в особо крупном размере (часть 6 статьи 290) [задержали](#) вице-губернатора Александра Кузнецова — чиновник занимал этот пост с 2012 года и «достался Ведерникову в наследство» от предыдущего главы региона Андрея Турчака. Сам новый губернатор после задержания заместителя [подчеркивал](#), что областная

администрация «работает в тесном взаимодействии с правоохранительными органами».

В феврале 2019 года фигурантами уголовных дел стали бывшая руководительница особой экономической зоны «Моглино» Ольга Торбич (часть 1 статья 285, злоупотребление должностными полномочиями) и глава Новоржевского района Михаил Пашков (часть 2 статьи 286, превышение должностных полномочий). Кроме того, силовики провели выемки в областном комитете по здравоохранению. Все эти дела Ведерников комментировал лично, говоря о содействии правоохранителям и борьбе с коррупцией.

«Он ведет себя по-прежнему как заместитель полпреда — приехать, указать, взять на контроль. Не управлять, а ткнуть пальцем, сказать: "Я контролирую, ну-ка быстро работать". А теперь он должен сам работать, он губернатор, у него не только функция контроля, он сам — рабочая лошадка. Но он это еще не понял», — описывает нового главу региона Шлосберг. Политик добавляет, что Ведерников боится открытых встреч и требует, чтобы все адресованные ему вопросы, равно как и ответы на них, были подготовлены заранее, даже если выступать предстоит перед небольшой аудиторией.

«У нас за много лет не было такого, чтобы два-три дела за год такого плана, а тут — за несколько месяцев. Пока что [их три]», — усмехается Камалягин. Он полагает, что дела против местных чиновников инициированы новой администрацией региона, которая «жестит»,

рассчитывая на поддержку федерального центра. При этом журналист не склонен считать, что другие резонансные уголовные дела последнего времени — например, активистов Лии и Артема Милушкиных или журналистки Светланы Прокопьевой — также однозначно связаны с фигурой Ведерникова; здесь возможно и совпадение разных факторов, рассуждает собеседник «Медиазоны».

Череда совпадений

Как рассказывает псковский оппозиционер Алексей Малов, 24 января в коридоре областного суда, который рассматривал жалобу на арест активистов Лии и Артема Милушкиных, к нему подошел известный в городе оперативник Центра «Э» Дмитрий Байков: «Он догоняет меня и говорит: у нас в этом деле все шикарно, там с доказухой все нормально, не надо ни освещать, ничего».

Формально Центр «Э» не имеет никакого отношения к делу Милушкиных — оно было возбуждено в следственном отделе ОМВД по Псковскому району; затем из-за резонанса его передали в региональное управление. Сам Байков известен тем, что сопровождает все дела против псковских политических активистов — он был и на обысках в «Яблоке», и дома у Прокопьевой. От разговора с «Медиазоной» оперативник отказался, предложив обратиться в пресс-службу УМВД.

17 января бойцы СОБРа окружили дом Милушкиных в деревне Большая Листовка. «Входили через окна, разбили телевизор, перевернули детские игрушки — обыск был довольно жестким», —

пересказывает воспоминания Лии Милушкиной об обыске ее адвокат Татьяна Мартынова. На этих следственных действиях Байкова не было, уточняет она. После обыска супругов отвезли в ОМВД по Псковскому району, где предъявили обвинение в сбыте наркотиков в крупном размере (часть 4 статьи 228.1).

По версии следствия, 14 января активист команды Навального в Пскове Артем Милушкин якобы продал за тысячу рублей 2,19 грамма амфетамина покупателю под псевдонимом «Денис», участвовавшему в контрольной закупке. Аналогичные обвинения предъявлены его жене Лие, координатору местного отделения «Открытой России»: как утверждает следствие, 16 января она сбыла 4,69 грамма амфетамина человеку, который в материалах дела фигурирует под кодовым именем «Оля». Супруги не признали вину и отказались давать показания. Вменяемая им статья предполагает от десяти до 20 лет лишения свободы.

За несколько месяцев до обыска Артем рассказывал, как при задержании сотрудник уголовного розыска угрожал, что в следующий раз у активиста будет «десяток граммов на кармане». Тогда оперативники в штатском вытащили его из машины ДПС, где он беседовал с инспектором, повалили на землю, заковали в наручники и усадили в свой автомобиль; в отделе на Милушкина составили протокол о неповиновении законным требованиям полицейских (статья 19.3 КоАП). «Артем — смелый и довольно

жесткий человек, у него было обостренное чувство справедливости. Наверное, это могло не понравиться полицейским», — предполагает Мартынова.

Лия и Артем Милушкины. Фото: *Facebook*

Активист местного штаба Навального и член «Яблока» Николай Кузьмин подчеркивает, что столь жесткое задержание — скорее исключение из правил, обычно псковские полицейские так не поступают. «В целом у нас нормальная полиция. [На массовых мероприятиях] полицейские не вяжут тех, кто не участвует в митинге. Стоишь — стой. Развернул плакат — подойдут, обратятся вежливо», — рассказывает Кузьмин. Сейчас, по его словам, ситуация изменилась: плакат на несогласованном мероприятии уже не поднять: «У меня так было дважды — 7 октября 2017 года и 9 сентября 2018 года. Я не смог и пятнадцати секунд с плакатом простоять».

Кузьмин вспоминает, что раньше силовики не чинили препятствий ни визиту Навального в город, ни открытию его штаба. Несмотря на то, что акции, как правило, не согласовывают — по известной схеме площадки в городе занимают представители провластных молодежных организаций со своими «спортивными праздниками», а администрация предлагает оппозиционерам места на отшибе — нередко отказы удается оспорить в городском или областном суде; часто тот даже оправдывает активистов по административным делам, объясняет Кузьмин.

«Главный сдерживающий фактор здесь — суд. Силовики бы наверняка хотели распоясаться, но суды

в какой-то момент говорят: нет, вы делаете не так», — говорит он.

Так, городской, а затем и областной суды признавали незаконным отказ в согласовании антикоррупционного митинга 26 марта и даже указывали в своих решениях, что администрация нарушила право заявителей на свободу собраний. Дела задержанных прекращали в связи с отсутствием состава правонарушения.

«За год оказания юридической помощи активистам, в том числе [активистам] штаба Навального, мы фактически не проиграли ни одного административного процесса, что, в общем, крайне удивительно в сравнении с тем, что происходило в других регионах России. Действительно, суды выносили свои решения на основании закона, — соглашается адвокат Мартынова. — Сейчас, мне кажется, позиция судов несколько изменилась, статистика меняется в худшую сторону».

Решение об аресте Милушкиных по уголовному делу принимал Псковский районный суд, так как супруги живут за чертой города. Артема поместили в СИЗО, а его жену — под домашний арест. Областной суд это решение утвердил.

От анафемы до терроризма

Главный редактор «Московского Комсомольца в Пскове» Павел Дмитриев вспоминает, что до уголовного дела Светланы Прокопьевой самой жесткой мерой воздействия на неугодного местного журналиста была церковная анафема. Десять лет

назад псковская епархия отлучила от церкви корреспондента газеты «Псковский рубеж» Олега Дементьева — в своих публикациях он утверждал, что игуменья Спасо-Елеазаровского монастыря Елисавета принуждала послушниц к занятиям проституцией, была причастна к рэкету и скупала дома и земли местных жителей на кабальных условиях. «Каких-то громких дел против журналистов у нас до Прокопьевой не было», — говорит Дмитриев.

Журналистка «Радио Свобода» и «Эха Москвы в Пскове» Светлана Прокопьева стала фигуранткой дела об оправдании терроризма или призывах к нему (часть 2 статьи 205 УК) из-за размышлений о взрыве в приемной ФСБ в Архангельске, который устроил 17-летний подросток в октябре 2018 года. В эфире «Эха» Прокопьева сказала, что государство, как и во времена народовольцев, само подталкивает недовольных граждан к радикализации, подавляя инакомыслие и делая невозможным легальный протест. При этом журналистка подчеркнула, что осуждает методы смертника и считает их недопустимыми. По вмененной статье Светлане грозит до пяти лет лишения свободы либо крупный штраф.

Обыск у Прокопьевой начался утром 6 февраля. «Звонок в дверь. Там — толпа СОБРа, следователи, оперативники Центра "Э"», — вспоминает адвокат Татьяна Мартынова. Говорить подробно о том, как идет следствие, она не может — дала подписку о неразглашении. Сама Светлана легла в больницу

на плановую операцию и не смогла встретиться с корреспондентом «Медиазоны».

За несколько дней до обыска суд оштрафовал «Эхо Москвы в Пскове» и «Псковскую ленту новостей» на 150 и 200 тысяч рублей соответственно за эфир Прокопьевой и публикацию его расшифровки. В решении суд опирался на экспертизу, выполненную по заказу Роскомнадзора сотрудниками подведомственного РКН Главного радиочастотного центра — специалисты, не имеющие дипломов филолога или лингвиста, обнаружили в словах журналистки «утверждения о целесообразности действий террориста». «Эти эксперты говорить вообще не умеют, просто не могут складывать слова в предложения», — делится впечатлениями побывавший на заседании Малов.

Историей с «оправданием терроризма» занимался федеральный Роскомнадзор. «Местный РКН нудный, но по каким-то обычным вопросам с ними можно взаимодействовать. Что-то по мелочи — они могут позвонить, сказать — у вас там что-то такое, типа, внизу в названии СМИ строчки не в том порядке, поставьте ФИО [главного редактора] выше телефона редакции. Через суд, конечно, такие вопросы решать не будут. Не думаю, что наш Роскомнадзор заинтересован в делах на журналистов», — рассуждает Дмитриев.

Журналист описывает ситуацию со свободой слова в регионе так: есть медиахолдинг Псковской области — государственное предприятие области, в которое входят «Псковская правда», местные «Комсомолка»

и «АиФ», «Псковское агентство информации». Есть негосударственная пресса: «Псковская лента новостей», «Центр деловой информации», «Эхо Москвы в Пскове». Еще есть «МК в Пскове» и «Псковская губерния», редакции которых делят офисное помещение с отделением «Яблока».

«[Например], есть какая-то новость. Первые ее не поставят, вторые поставят, но по звонку могут и снять, а нам даже звонить не будут — бесполезно, — объясняет разницу Дмитриев. — Во время выборов в 2018 году негосударственная пресса действовала вполне в русле медиахолдинга. А вне выборов я не вижу, чтобы на кого-то как-то сильно давили».

Камалыгин добавляет: в основном «Псковская губерния» сталкивалась с исками и о защите деловой репутации и предупреждениями Роскомнадзора. «За то время, пока я главный редактор, мы получили четыре или пять исков — свинокомплекс там или городской водоканал. Мы еще ни разу не проиграли — в худшем случае были мировые соглашения, в лучшем мы выигрывали. Был штраф от ФАС в 100 тысяч — не поставили маркировку "16+", но там мы сам факт не оспаривали, только размер штрафа».

В апреле 2018 года Роскомнадзор **вынес** «Псковской губернии» предупреждение — ведомство обнаружило экстремизм в колонке Прокопьевой «Нет, это не выборы». Но тогда к возбуждению уголовного дела это не привело.

Лев Шлосберг и Светлана Прокопьева. Фото: Татьяна Федорова / *Facebook*

Окно, где опять не спят

Здание УФСБ по Псковской области располагается на Октябрьском проспекте. Семья Шлосберга живет напротив; политик рассказывает, что нынешний руководитель управления Алексей Кальян после назначения в 2015 году заставил своих подчиненных работать почти круглосуточно: «Раньше пару окон светило — кто-то на службе дежурит, остальные отдыхают. Теперь окна светятся постоянно — я не могу представить, что они там делают и какой объем работы выполняют».

По словам Шлосберга, сотрудники спецслужбы при Кальяне постоянно занимаются «ловлей шпионов» — при этом начальник, судя по всему, убежден, что искать шпионов и «врагов России» следует в первую очередь среди демократической оппозиции.

Собеседники «Медиазоны» сходятся во мнении: нынешний глава УФСБ — наиболее жесткий среди региональных силовиков. Инициатором череды уголовных дел вряд ли был глава псковского управления СК Петр Крупеня, назначенный на эту должность в ноябре 2018 года, говорит Камалюгин: «Его все знают, он местный, всегда был нормальным человеком, по месту предыдущих работ не характеризовался как тот, кто жестит и сажает. У него дисциплина жесткая, своих строит, но крутыми нравами не знаменит». «Он сюда приехал фактически перед пенсией, ему не надо особо выслуживаться и геройствовать», — добавляет Малов. К начальнику областного МВД Юрию Истранину у псковских политиков и журналистов тоже нет особых претензий: полицейский как полицейский.

Камалягин, впрочем, советует воздержаться от конспирологии и не думать, будто за всеми резонансными уголовными делами стоит одна фигура. «У каждого нынешнего псковского уголовного дела своя история, — отмечает при этом Шлосберг. — Но рвение, с которым тут сходят с ума в одних и тех же ведомствах по этим делам, позволяет предположить, что заказчики как минимум знакомы друг с другом и есть некая политическая воля из одного источника».

В деле о листовках «Яблока» до сих пор нет подозреваемых — хотя, как говорит оппозиционер, в неформальных разговорах полицейские прямо признают, что это «дело против Шлосберга». В середине февраля силовики пришли в офис партии снова — они переписали паспортные данные всех, кто там находился, а затем стали вызывать их на допросы. «Конечная цель — добиться судимости любой ценой и на этом основании лишить статуса депутата областного собрания, выполнить пожелание бывшего полпреда», — полагает политик.

По делу Милушкиных, рассказывает Мартынова, активных следственных действий сейчас не проводится. Артем ждет суда в СИЗО, а его жена — под домашним арестом. Светлана Прокопьева собрала деньги на независимую лингвистическую экспертизу — она намерена доказывать, что в ее словах не содержалось ни призыва к терроризму, ни его оправдания.

*Редактор: Дмитрий Ткачев*